

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 37(47)(091)«17»
ББК 4403(2)5

ГСНТИ 14.09.39

Код ВАК 13.00.01

Емельянова Анна Вячеславовна,

соискатель, кафедра архивоведения и истории государственного управления, департамент «Исторический факультет», Институт гуманитарных наук и искусств; ведущий документовед, управление кадров, Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург); 620083, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, к. 471; e-mail: annet1986@list.ru.

Сафронова Алевтина Михайловна,

доктор исторических наук, профессор, кафедра архивоведения и истории государственного управления, департамент «Исторический факультет», Институт гуманитарных наук и искусств, Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург); 620083, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, к. 471; e-mail: alevtina.safronova@gmail.com.

МЕМУАРЫ О ДОМАШНИХ УЧИТЕЛЯХ В ДВОРЯНСКИХ СЕМЬЯХ РОССИИ XVIII В.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: мемуары; домашнее обучение; учителя; дворянство; Россия; XVIII век.

АННОТАЦИЯ. Характеризуются мемуары как основной источник информации об учителях, нанимавшихся обучать детей дворян на дому в России XVIII в. Раскрываются национальный состав учителей, уровень их подготовки, формы найма, заработная плата, программы и методы обучения, формы наказания учеников, используемые учителями.

Emelyanova Anna Vyacheslavovna,

Competitor of a Degree, Department of Archive Science and History of State Governance, Faculty of History; Leading Document Specialist, Department of Personnel, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).

Safronova Alevtina Mikhailovna,

doctor of historical sciences, Professor, Chair of Archive Science and History of State Governance, Department of history, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).

MEMOIRS ABOUT HOME TEACHERS IN THE NOBLE FAMILIES OF RUSSIA IN XVIII CENTURY

KEY WORDS: memoirs; home education; teachers; noblesse; Russia; 18th century.

ABSTRACT. The article characterizes memoirs as the main source of information about the teachers employed by the nobility to educate their children at home in Russia in the 18th century. Ethnicity of teachers is revealed, as well as their level of training, forms of employment, wages, curricula and teaching methods, forms of punishment pupils used by teachers.

Мемуары являются основным источником, характеризующим состав домашних учителей, их профессиональный уровень, программу обучения, взаимоотношения учителей и учащихся в XVIII в. Из 66 выявленных нами мемуаров, затрагивающих вопросы обучения в дворянских семьях XVIII в., только в 24 имеются сведения о домашних учителях, при этом 4 автора сами выступали в качестве учителей – Ф. Ц. Лагарп, Я. Я. Штелин, Г. С. Винский, А. Е. Поспелов. Рамки небольшой статьи не позволяют рассмотреть все источники, поэтому ограничимся мемуарами, авторы которых сами выступали в роли учеников, и рассмотрим, какая информация о домашних наставниках имеется в этих 20 воспоминаниях.

Авторы 10 мемуаров принадлежали к высшему, среднему и низшему чиновничеству (2–12-й классы Табели о рангах), пятеро из них также занимались литературной деятельностью (Н. И. Греч, Ф. Ф. Вигель, А. Ю. Нелединский-Мелецкий, А. П. Степанов, Н. Н. Муравьев). На военной службе состояли генерал-майор Л. Н. Энгельгардт,

полковник Е. П. Назимов, капитан А. С. Пишчевич. Особое место среди авторов принадлежит А. Т. Болотову, ученому и писателю, составившему самые яркие воспоминания, в том числе и о домашних учителях.

Важным для нас является вопрос о происхождении авторов мемуаров, т. е. о том, в какие семьи привлекались домашние учителя, насколько отличался уровень подготовки учителей в семьях элиты и низшего чиновничества. Большинство авторов родились в семьях дворянской элиты и отразили в воспоминаниях состав учителей, обучавших детей в таких семьях. Их отцы или родственники имели чины первых 5 классов Табели о рангах: дядя Е. Р. Дашковой – канцлер М. И. Воронцов, отец А. В. Орлова – генерал-поручик, бывший директор Петербургской академии наук, М. М. Муромцева – генерал-поручик, бывший тульский губернатор, Ф. Ф. Вигеля – киевский обер-комендант, Н. И. Греча – обер-секретарь Сената, Л. Н. Энгельгардта – могилевский губернатор, Н. Н. Муравьева – архангельский губернатор, И. М. Долгору-

кого – московский уездный предводитель дворянства.

Отцы 10 авторов воспоминаний находились на военной службе или в отставке: знаменитый ученый России А. Т. Болотов родился в семье полковника Архангелогородского полка, И. В. Лопухин – обер-коменданта Киева и генерал-поручика, А. С. Пишчевич – генерал-майора, А. И. Рибопьер – бригадира, Н. Г. Левшина – премьер-майора, В. С. Хвостов и Е. П. Назимов – в семьях отставных секунд-майоров, С. Н. Глинка – в семье отставного капитана. В семьях низших офицерских чинов поручика и корнета гвардии воспитывались С. П. Протасьев и П. П. Сумароков.

Мемуары, пожалуй, единственные в своем роде источники, отражающие типичную картину того времени: приглашение домашних учителей в семью для одновременного обучения нескольких детей. Авторы вспоминают, как обучались вместе с братьями, сестрами, близкими и дальними родственниками. Общее число обучаемых детей – 47 человек, причем в 9 мемуарах точное количество обучаемых детей установить не удалось. Лишь трое авторов – А. И. Рибопьер, И. В. Лопухин, А. С. Пишчевич – обучались индивидуально.

Только в трех мемуарах речь шла о домашних учителях, преподававших в Санкт-Петербурге (Е. Р. Дашкова, Н. И. Греч, А. И. Рибопьер), в семи воспоминаниях – об учителях в московских семьях и родовых имениях этих дворян в Центральной России, куда семьи выезжали на лето (А. В. Орлов, И. М. Долгоруков, Н. Г. Левшин, П. П. Сумароков, А. Ю. Нелединский-Мелецкий, М. И. Муромцев). В половине мемуаров речь велась об учителях, трудившихся в дворянских семьях различных губерний – Киевской (Вигель), Псковской (Назимов, Хвостов), Смоленской (Глинка, Энгельгардт), Тульской, Псковской, Эстляндской (Болотов), Тамбовской (Протасьев), Новгородской (Муравьев), Калужской (Степанов).

В самых больших по объему и содержательных мемуарах А. Т. Болотова имеются сведения об учителях первой половины XVIII в. (1730–1740 гг.); об учителях середины XVIII в. рассказывается в воспоминаниях Е. Р. Дашковой; в остальных мемуарах речь идет об обучении во второй половине столетия.

Особый интерес представляют сведения о национальном составе домашних учителей. Поскольку их в семьях было по несколько человек и они часто менялись, в 20 воспоминаниях речь идет о 74-х преподавателях: 18 из них были русскими (24 %), 45 – иностранцами (61 %). В 12 случаях авторы умалчивают о национальной принадлежности учителей, не упоминают даже их

имен, на основе которых можно было бы высказать предположения о стране, из которой они прибыли. Среди иностранцев преобладали французы (19 человек) и немцы (13 человек), были и итальянцы (3), швейцарцы (2); упоминаются голландец, поляк, чухонец (видимо, финн или эстонец).

Судя по мемуарам, учителя из русских, приглашаемые в семьи, имели разные должности, но обучали недолго: их заменяли иностранцами, которые вели не только иностранные языки, но и другие предметы. Так, в 1744 г. в Пскове 6-летнего Андрея Болотова учил грамоте старик-малороссиянин, чистописанию – «маленький писарь Красиков» [1]. В 1747 г. отец Болотова, полковник Архангелогородского полка, расквартированного в мызе Лайшлос (Прибалтика), поручил обучение 9-летнего сына чтению, письму, арифметике и немецкому языку унтер-офицеру немцу Миллеру. В 1752 г. в родовом селе Дворянинове Алексинского уезда Тульской губернии для 15-летнего Болотова, ставшего сиротой, нашли для повторения иностранных языков «старичка из дворянского рода, который был в плену и возвратясь оттуда, не имея пристанища, работал домашним учителем». Он жил в доме Болотовых: «говорил, что знает немецкий и другие иностранные языки», «однако языками владел не лучше ученика», «лучше сказать позабыл» их [Там же]. В семье витебского воеводы в 1775 г. 9-летнего Льва Энгельгардта начал обучать русской грамоте дьячок униатской церкви, к которому мальчик сам ходил в дом и «едва в два года выучился порядочно читать» [16, с. 17].

В конце XVIII в. для обучения началам наук в семьях дворян начали использовать преподавателей народных училищ, подготовленных по новой методике и хорошо владевших предметом. В семье генерал-поручика, бывшего тульского губернатора М. В. Муромцева в 1796 г. уроки русского и математики давал учитель народного училища Сахаров, который летом приезжал из Данково в родовое имение, расположенное в селе Баловнево (Рязанская губерния) и, по-видимому, жил в доме. «У этого учителя в народном училище ученики ... были отличные. И я знал нескольких дворян, окончивших у него свое воспитание, которые после того отлично служили» [8, с. 62].

Мемуары отражают практику приглашения для обучения детей в богатые дворянские семьи преподавателей из университетов и академий. В 1779 г. в московский дом Долгоруковых, принадлежавших к знаменитому дворянскому роду, в качестве учителя русской словесности приходил ординарный профессор истории, нравоучения и красноречия Московского университета,

его будущий ректор Х. А. Чеботарев. Студент Курика (учебное заведение неизвестно) преподавал латинский язык, студент Московской духовной академии Михайло Гумылевский толковал церковную историю, Закон Божий и катехизис. Интересно, что Иван Долгоруков в 1777 г. сам посещал лекции в Московском университете вместе со своим домашним наставником французом Совере. Вечером при возвращении из университета Совере объяснял и повторял с юношей профессорские лекции.

Профессор Х. А. Чеботарев в 1786 г. преподавал русский язык в семье младшего из пяти братьев графов Орловых – Владимира Григорьевича, бывшего директора Академии наук. Уроки его сына Александра начались с исправления «журнала путешествия в Нижний Новгород», который составил сам 17-летний ученик [11, с. 146].

Мемуары ярко отражают обыкновение, распространявшееся на протяжении всего XVIII столетия, – приглашать в качестве домашних учителей иностранцев. В воспоминаниях содержится яркая, интересная информация об этих учителях, предметах, которые они вели, их уровне знаний, методике преподавания, характере, взаимоотношениях с учениками.

Наиболее ранние подобные сведения содержат мемуары А. Т. Болотова. Об унтер-офицере Миллере, у которого он начал обучаться в 1747 г., сообщается следующее: он прибыл из Любека, «никаким наукам не умел, кроме одной арифметики, которую знал твердо, да и умел также читать и писать очень хорошо по-немецки, почему заключаю, что надобно быть ему какому-нибудь купеческому сыну, и притом весьма небогатому и воспитанному в простой школе, и весьма просто и низко» [1]. А. Т. Болотов описывает и методику его обучения – механическое заучивание слов и вокабул: «До глаголов же и до прочих частей нам с ним и дела не было, и потому можно сказать, что все учение его было, прямо скажем, топорной работы, почему и неудивительно, что не было от того и дальнего успеха, ибо память моя отягощаема была только множеством вокабул, но которые я столь же скоро опять, по молодости своей, позабыть мог, как и выучивался, пользы же от того было очень мало» [Там же].

В 1750–1752 гг. А. Т. Болотов обучался в доме генерал-аншефа Я. В. Маслова в Петербурге. Уроки проводил француз Лапис, который был «ученым человеком, читал много французских книг, но не знал, что ему делать с детьми». Занятия велись каждый день до обеда «у самого генерала в предспальне». Учитель не знал русского языка, и с ним дети разговаривали только

по-французски. Ученики списывали статьи из большого французского словаря, изданного Французской академией наук, содержащего толкование французских слов. Дефиниции в большинстве случаев были детям непонятны, сам учитель пояснений не делал. Выписанные статьи твердили наизусть «без наималейшей пользы». Переводами текстов не занимались. По мнению А. Т. Болотова, обучая таким образом, «бездельники-французы не учат, а мучат наших детей сущими пустяками, стремясь чем-нибудь да провести время» [Там же].

Е. Р. Дашкова, рано потерявшая мать, с 4-х лет воспитывалась в семье канцлера Воронцова с его дочерью: «Мой дядя не жалел денег на учителей, и мы – по своему времени – получили превосходное образование: мы говорили на четырех языках, и в особенности владели отлично французским; хорошо танцевали, умели рисовать; некий статский советник преподавал нам итальянский язык, а когда мы изъявили желание брать уроки русского языка, с нами занимался Бахтеев...» [3, с. 33]

Тульский губернатор М. М. Муромцев вспоминает, что их роскошный дом в Москве, в Немецкой слободе, в 90-е гг. XVIII в. был полон иностранцев: французский язык детям преподавала мадам Комб, специально выписанная из Франции. При этом немецкому языку учил дядька, немец Вельц, который одновременно был кузнецом и часто лудил посуду, подковывал лошадей. В доме жили учителя – француз Дюкре и капельмейстер (фамилия неизвестна), учитель итальянского языка итальянец Жульяни, живописцы Легоцкий и Дюронье [8, с. 61].

Орловский помещик Н. Г. Левшин, выросший в знатной дворянской семье премьер-майора, учился в Москве в последней четверти XVIII в. вместе с братьями и сестрами. В доме сменилось 8 учителей. Он помнил их имена, предметы, которым они обучали, отмечал черты характера каждого из них: «1-я была m-lle Гальцен, 2-й – г. Ганри, чахоточный, который также учил танцевать. 3-й – г-н Ришер, ... был смиренный, добрый человек; науки знал плохо, а детей рожал часто и всегда сам их крестил.

4-й – г-н Ранси – итальянец, невежда и неопрятный. 5-й – г-н Пине, с женой. Сей был в русской статской службе, имел чин 14-го класса, – по той единственно причине выведен был в чин, что женился на г-же Адамовичевой, Александре Степановне, дочери генерала Адамовича, в Смоленске. Пине был француз из простаго звания, говорил изрядно, а грамматики и прочих (наук) не ведал. Он же учил нас и рисовать пером. Не зная нисколько правил искусства, заставлял нас чертить по бумаге, клетки го-

родить. 6-я – была какая-то мадам, высокая ростом, сердитая, капризная; имя ее не помню. Жила в доме несколько месяцев. Все рады были, когда ее отпустили, как господа, так и домочадцы.

7-й – почтенный профессор Эверс. 8-й – и последний учитель мой был голландец г. Аллерс, человек лет 40, умный, ученый и самый скромный, с тем вместе оригинал; всегда был молчалив, уроки же преподавал с большим тщанием, стараясь как можно яснее толковать ученикам своим» [6, с. 831–832].

Ряд авторов отмечают важное значение учителей в их жизни. Н. Г. Левшин очень высоко отзывается об учителе Эверсе и его жене: «Как он, так и супруга его были самые добродетельные и ученые люди. Имя (их) сохраняю я в душе моей. Помню, с каким истинно родительским вниманием они пеклись о воспитании нас, с какою кротостию обращались с сестрами моими и всеми нами, различая возрасты. Не только, чтобы манера их была похожа на слепое баловство обыкновенных, добрых стариков, напротив, они были взыскательны, подчас строги; но с такою мудрою, философскою разборчивостью, что все мы, дети, были привязаны к ним не из страха, а именно единственно из уважения, которое они имели дар к себе вселять. Родители наши их любили, как ближних родственников. Г. Эверс был уже лет 60-ти, а супруга его – 50-ти. Во все три года пребывания их в нашем доме ни мы, ни люди домашние не слышали от них ни одного слова неприятного или, паче чаяния, досад» [Там же, с. 833].

Сыну генерала, обер-коменданта Киева Ф. Ф. Вигелю в возрасте 7 лет наняли учителя-немца, Христиана Ивановича Мута, который, по словам автора, имел удивительную память и познания: знал хорошо историю, географию, французский язык. Обучение проходило по графику: «Поутру задавал он нам уроки, которые мы твердили и должны были сказывать ему перед обедом; а он между тем читал про себя что-нибудь из истории и географии с тем, чтобы после обеда в виде повести нам это пересказывать. Таким образом, узнал я историю иудеев, ассириян, мидян, персов и греков, но до Рима едва только с ним дошли» [2, с. 15].

Мемуары, как ни один другой источник, очень ярко отражают вошедшее в моду приглашение учителей-иностранцев в дворянские семьи, не только в Санкт-Петербурге и Москве, но и в других городах, независимо от их уровня подготовки к преподавательской деятельности. В 1760-е гг. в семье отставного обер-коменданта Киева В. И. Лопухина был приглашен для обучения сына французскому языку савояр (житель Савойи), не знавший правил языка,

немецкому же языку обучал «берлинец», по словам автора, ненавидевший немецкий язык (видимо, уже обрусевший) [7, с. 647]. В 1780-х гг. в семье отставного поручика С. Протасьева в Тамбовской губернии детей обучали немцы, об одном из которых автор писал так: «Он был плохой учитель, но славный переплетчик и великий мастер делать бумажные коробочки и тому подобное» [13, с. 409]. Е. П. Назимова, сына отставного секунд-майора, в 1790-х гг. в Пскове французскому языку обучал г. Дюпре, бывший парикмахер, бежавший из Парижа. Прочие науки детям преподавал женевец г. Фази, «знавший многое по поверхности». Немецкому языку учил «предряхлый» немец г. Дистон, «болезненный чухонец» г. Фром был музыкантом и дядькой для детей [9, с. 51]. Судя по мемуарам, и в условиях города, даже крупного, порой принимались в семьи люди случайные, не имеющие ничего общего с профессией учителя.

Особый интерес представляет для нас информация о способах найма учителей. В московскую семью генерал-поручика М. В. Муромцева, например, была специально выписана мадам К. из Франции. Хорошо зарекомендовавшего себя в других семьях учителя подолгу ждали, даже прерываемая обучение. Глава Енисейской губернии А. П. Степанов, из семьи надворного советника Калужской губернии, вспоминал: «Учить меня перестали, ожидая какого-то учителя ... матушка получила письмо, что учителя скоро привезут в нашу деревню, и потому мы поспешили с отъездом» из имения дедушки домой (1790-е гг.) [14, с. 15].

Судя по воспоминаниям Н. Г. Левшина, в те же 1790-е гг. в семье его отца, благородного московского дворянина, премьер-майора, к подбору учителей относились не столь усердно: «Когда требовалось иметь учителя, то, отправляя старого, поручалось искать и привезти на той же повозке нового; обыкновенно делалось сие на удачу – какой попадется. Комиссия сия по большей части возлагалась на покойного дядю нашего – Павла Феодуловича; но нередко бывало и так, что бывший собственный писарь и стряпчий, Осип Яковлев Поляков, пойдет на Кузнецкий мост или в католическую церковь, в воскресный день, и у крыльца спрашивает учителя (учителей), берет их адреса, потом представляет их на испытание к Павлу Феодуловичу, сторгуется в цене и непременно привезет учителя-мадам, а иногда учителя – с мадамой: так сие и продолжалось всегда безостановочно» [6, с. 833].

В дневнике С. Протасьева, проживавшего в имении отца – отставного поручика, в Тамбовской губернии в 1780-х гг., отмечалось: «На двенадцатом году моем, отцу на-

шему вздумалось учить нас <автора с братьями> языку немецкому. Он отправил старосту Ивана в Москву с пшеницей и горохом, приказав нанять немца учителя не дороже ста пятидесяти рублей в год» [13, с. 409].

Только четверо авторов из 20 приводят сведения о размерах оплаты труда домашних учителей. В 1761 г. в Москве в семью сенатора Ю. С. Нелединского-Мелецкого в наставники был приглашен иностранец Де Пексон за 300 р. в год. Вдобавок к денежному жалованью ему полагались экипаж, бесплатный чай, сахар, кофе, предоставление лечения и лекарств в случае болезни [10, стб. 107]. В 1760-х гг. учителю-немцу, выписанному из Петербурга в семью отставного секунд-майора С. В. Хвостова (Гдовский уезд Псковской губернии), давали также 300 р. в год [15, стб. 552]. В 1784 г. отставной поручик Тамбовской губернии Протасьев нанял учителя-немца всего за 140 р. в год, в 1785 г. пригласил другого за 180 р. «Через год он уехал в Москву, там женился и не возвращался» [13, с. 409]. Третьему учителю, отставному квартирмейстеру прусской службы, пришлось платить уже 250 р. По данным А. В. Орлова, его отец, отставной директор Петербургской академии наук, в 1786 г. в Москве платил итальянцу Галетию, обучающему детей игре на скрипке, ежемесячно 100 р., т. е. 1200 р. в год [11, с. 146].

Сравним оплату труда домашних учителей, которая, как видим, была очень разнообразной, с оплатой учителей частных школ. По данным К. В. Сивкова, содержание и обучение детей в частных пансионах Москвы, открывавшихся, как правило, иностранцами в 1780-х гг., обходилось гораздо дешевле, в среднем по 150 р. в год, благодаря тому что в пансионе обучалось одновременно по 25–30 человек [17, с. 317–318]. По Уставу народных училищ 1786 г., жалованье учителей главных народных училищ составляло за год в первом классе 150 р., во втором – 200 р., в двух старших – 400 р. Учителя иностранного языка получали 300 р., учителя рисования – 150 р. В малых народных училищах учителя получали от 60 до 150 р. в год.

Программа домашнего обучения дворянских детей в мемуарах отражена не полностью. Некоторые авторы детально описывают обучение, другие лишь кратко упоминают об отдельных предметах. Из мемуаров поэта И. М. Долгорукова мы узнаем, что в программу обучения в Москве 6-летнего Ивана, составленную его отцом, московским уездным предводителем дворянства, в 1770–1780-х гг. входили история, математика, география, поэзия, латинский, немецкий и французские языки, музыка, фехтование и танцы. Первым учителем француз-

ского языка этого мемуариста была «бонна» мадам Констант (Constante). В 1776 г. для преподавания французского языка и латыни был принят иезуит француз Совер, о котором автор отзывался положительно: «человек был умный, сведущий и крайне осторожный; сердце имел доброе и благородное» [4, с. 36–37].

Александр Орлов в дневнике приводит расписание одного из своих учебных дней: в понедельник в 8 часов утра начинался урок фехтования, длившийся 45 минут, затем автор занимался самостоятельно, в 10 ч 30 мин – прогулка с отцом, после обеда приезжали учителя. Помимо русского языка, юношу углубленно обучали музыке: игре на духовых инструментах – учитель-венгр Г. Оттенгоф, игре на скрипке – итальянец Галетий, аккомпанементу на клавинодах – немец Вейденгамер. Петя учил немец Иван Иванович Шварц. Остальное время до 8 вечера юноша занимался самостоятельно, в 10 часов ложился спать [11, с. 147–148].

Будущего сенатора, статс-секретаря Павла I Ю. А. Нелединского-Мелецкого, родившегося в семье сенатора, француз Де Пексон обучал арифметике, истории, географии, итальянскому, французскому и латинским языкам.

Многие авторы сообщают о жестоких наказаниях, применяемых учителями. А. Т. Болотов вспоминает, что немец Миллер, когда один из учеников решил сложную арифметическую задачу, так разгневался, что оставил розгами шрам на его лице. М. В. Муромцев отмечает, что немецкий язык знал лучше, так как учитель Вельц был строгим и нередко «бивал до крови». Учитель француз Дюкре «в наказание давал спрягать глаголы: чем больше вина, тем больше глаголов, иногда до десяти». С. Протасьев так отзывался о своем третьем учителе, отставном квартирмейстере прусской службы: «Человек грубый, можно сказать, жестокий, позволял себе бить нас линейкой по рукам, щипать за уши, драть за волосы, одним словом, был солдат и обращался по-солдатски». Конец учению был положен самим С. Протасьевым: «В небытность отца дома, этот немец, рассердясь, ... так больно ударил меня линейкой, что я выскочил из-за стола, вцепился ему в волосы, повалил и избил так, что он не мог ходить. Когда отец мой возвратился, старушка, бабушка наша, рассказала ему это происшествие в таком виде, что немца на другой же день отправили в Москву» [13, с. 409].

Даже краткая характеристика информации, содержащейся в мемуарах о домашних учителях, преподававших в дворянских семьях, свидетельствует, что эти воспоминания являются ценным источником для изучения истории домашнего обучения в России XVIII в.

ИСТОЧНИКИ

1. Болотов А. Т. Жизнь и приключения А. Т. Болотова, описанные им самим для своих потомков. 1734–1774. Т. 1. М. : Терра, 1993. URL: http://az.lib.ru/b/bolotow_a_t/text_0080.shtml (дата обращения: 22.03.2014).
2. Вигель Ф. Ф. Записки Филиппа Филипповича Вигеля. М. : Захаров, 2000.
3. Дашкова Е. Р. Литературные сочинения. М. : Правда, 1990.
4. Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году от рождения моего. Т. 1. Спб. : Наука, 2004.
5. Записки Николая Ивановича Греча // Русский архив. 1873. № 3. Стб. 225–341.
6. Левшин Н. Г. Домашний памятник Николая Гавриловича Левшина. 1788–1804 / публ. и примеч. Н. П. Барышникова // Русская старина. 1873. Т. 8. № 12. С. 823–852.
7. Лопухин И. В. Записки некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника сенатора И. В. Лопухина, сочиненные им самим // Русский архив. 1913. Кн. 2. Вып. 11. С. 647–678.
8. Муромцев М. М. Воспоминания // Русский архив. 1890. № 1. С. 59–81.
9. Назимов Е. П. Псковский ветеран наполеоновских войн // Труды Псковского археологического общества. 1811–1812. Вып. 8. С. 43–64.
10. Нелединский-Мелецкий Ю. А. Очерк его жизни, бумаги и переписка его // Русский архив. 1867. № 1. Стб. 101–110.
11. Орлов А. В. Дневная записка А. В. Орлова // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. М., 1983. С. 143–159.
12. Пишчевич А. С. Жизнь Пишчевича им самим описанная. 1764–1805. Ч. 1–3 // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1885. Кн. 1. Отд. 1. С. 1–112.
13. Протасьев С. Страницы из старого дневника // Ист. вестник. 1887. № 11. С. 408–424.
14. Степанов А. П. Страничка из истории воспитания в России конца прошлого века // Русская школа. 1891. № 1. С. 9–28.
15. Хвостов В. С. Записки // Русский архив. 1870. Кн. 1. Вып. 3. Стб. 551–610.
16. Энгельгардт Л. Н. Записки. М. : Новое лит. обозрение, 1997.

ЛИТЕРАТУРА

17. Сивков К. В. Частные пансионы и школы Москвы в 80-е гг. XVIII в. : [публикация документов Комиссии по обследованию московских частных школ] // Ист. архив. 1951. № 6. С. 315–323.

Статью рекомендует д-р ист. наук, проф. М. В. Попов.